

Глава 1

«Существует честная коррупция, и я являю собой пример того, как это работает. Все это можно обобщить в нескольких словах: я вижу свои возможности и пользуюсь ими».

*Джордж Вашингтон Планкитт,
сенатор штата Нью-Йорк
времен «позолоченного века»¹,
член политического общества Таммани-холл².*

**Театр «Атлантик», Нью-Йорк
Май 1888 года**

Уильям Слоан не верил в возможность общения с миром духов. Он не верил даже в то, что мир духов вообще существует.

И тем не менее он сидел в обветшалом театре в районе Тендерлойн, пользующемся дурной славой, и смотрел этот дерзкий спектакль. На сцене была мадам Золикофф — так называла себя эта женщина. Таинственный медиум, способный разговаривать с духами и осуществлять другие сверхъестественные трюки. Эта женщина была худшей из актрис, которых Уилл когда-либо знал, — а повидал он их, нужно сказать, немало.

---

¹ «Позолоченный век» — саркастическое название периода с конца Гражданской войны до 1880 г. (по мнению других историков — до начала 1873 г.), для которого были характерны быстрое обогащение некоторых слоев населения, коррупция в сфере политики и бизнеса, легкие нравы. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

² Таммани-холл — название штаб-квартиры Демократической партии штата Нью-Йорк в конце XIX — первой половине XX вв.

Закрыв глаза, она раскачивалась и размахивала руками, что-то монотонно бормоча. Мужчина, которого она вытащила на сцену, сидел напротив и зачарованно смотрел на нее, пока мадам Золикофф имитировала диалог с духом его умершей матери. Электрический свет у них над головами мигнул, и публика в зале захихикала.

— Ах! Думаю, мы уже совсем близко! — громко объявила мадам Золикофф с ужасным русским акцентом.

Уилл едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Неужели кто-то купится на эти дешевые фокусы?

Заерзав на неудобном сиденье, он оглядел зрителей. Их было десятка два, мужчины и женщины весьма среднего достатка — как все это безмерно далеко от той расточительной толпы, с которой он сам себя ассоциировал. Никаких тебе диадем с бриллиантами или страусиных перьев — лишь незамысловатые котелки и простенькие дамские шляпки. Однако все глаза были прикованы к молодой женщине на сцене.

Ее можно было бы назвать привлекательной, подумал Уилл, если, конечно, кто-то предпочитает мошенниц, а он не принадлежал к числу таких людей. И все же ее соломенного цвета волосы выгодно подчеркивали пронзительные темно-карие глаза. У мадам Золикофф был прямой изящный нос. Высокие скулы. Брови, выгнутые дугой. Полные губы, накрашенные вульгарной красной помадой.

Губы Уиллу понравились. На самом деле, очень даже понравились. Если бы он вдруг умер, они вполне могли бы вернуть его к жизни.

— Я слышу ее!

В зале раздалось ритмичное постукивание: вне всякого сомнения, дело рук сообщника, однако публика дружно охнула.

— Мистер Фокс, ваша мать сейчас тут, с нами. О чем бы вы хотели ее спросить?

Следующие пятнадцать минут мужчина на сцене задавал мадам Золикофф простенькие вопросы, а она «воспроизводила» для него ответы его матери. Уилл рассеянно потер живот: представление вызывало в его душе жгучую злость, ведь эта женщина нагло пользовалась чужим горем. Когда умерла

мать Уилла, он страстно желал как-нибудь — как угодно! — воскресить ее. Однако этого не произошло, и он остался в холодном доме вместе с холодным человеком...

Уилл снова перевел взгляд на мадам Золикофф. Она продолжала щебетать. Неужели у этой женщины нет хотя бы капли стыда? Хотя бы капли сочувствия к горю из-за потери любимого человека? И впервые с начала представления Уилл начал искать возможность вступить с ней в полемику.

Ему хотелось заткнуть рот этой даме и, если потребуется, выдворить ее с Манхэттена, ведь она стояла у него на пути. Уилл стремился к власти и не мог потерпеть неудачу.

Джон Беннетт, бывший сенатор от штата Нью-Йорк и кандидат в губернаторы, пригласил Уилла стать его партнером на выборах и пообещал ему должность вице-губернатора. Отец Уилла всегда мечтал обладать политическим влиянием, однако он умер, не успев сделать карьеру на этом поприще. Теперь же у Уилла Слоана появилась возможность добиться этой цели, — а когда он победит на выборах вместе с Беннеттом, можно будет сплясать на могиле отца.

Однако у Джона Беннетта была слабость — слабость по имени мадам Золикофф. Похоже, эта женщина крепко подцепила его на крючок: кандидат в губернаторы не прислушивался к доводам разума и не понимал, какие опасности могло таить общение с этой дамой. Но Уилл не позволит, чтобы она поставила под угрозу политическую карьеру Беннетта — и его собственную. Они не могли допустить скандала за шесть месяцев до выборов.

Когда представление закончилось, Уилл не стал аплодировать или топтать ногами, как другие зрители. Он поднялся, резко развернулся на каблуках и направился к двери, которая, как он уже знал, вела за кулисы.

Его никто не остановил. Вслед ему устремились любопытные взгляды, но Уилл лишь надвинул котелок на лоб, чтобы скрыть лицо. Этот мужчина принадлежал к одной из самых влиятельных семей в Нью-Йорке и последние тринадцать лет управлял Северо-восточной железной дорогой. Фамилия Слоан была не менее известной, чем Астор, Стайвесант или Ван

Ренселлер. Разумеется, Уилл привык быть в центре внимания, но сейчас, в этом месте, ему не хотелось бы, чтобы его узнали.

Несколько минут он петлял по длинным коридорам в недрах театра. Оказавшись наконец перед дверью гримерной, мужчина постучал. Щелкнула задвижка, и в дверном проеме показалась брюнетка, одетая так же, как и медиум на сцене — в черную английскую блузку и юбку. Ее губы по-прежнему были ярко-красными. Уилл слегка склонил голову:

— Мадам Золикофф?

— Проходите, прошу вас.

Голос у нее был глубокий и хрипловатый, его чувственные нотки больше подходили для спальни, чем для сцены. К счастью, теперь в ее речи не было и следа нелепого русского акцента, который женщина использовала, общаясь с публикой. Возможно, их разговор будет не таким сложным, как Уилл опасался.

Женщина сделала шаг в сторону.

— Я ожидала вашего прихода, мистер Слоан.

В том, что она его узнала, не было ничего удивительного. Но неужели она заметила его в зале? Три шага вперед, и Уилл оказался в комнате — если, конечно, можно назвать так помещение размером с чулан. Места здесь хватило только для небольшого столика и стула. На стене висело зеркало, а под ним на столе красовался светлый парик, надетый на специальную подставку. Уилл остановился и спрятал руки за спину.

Женщина скользнула мимо него и, присев на стул, потянулась за салфеткой. Глядя в зеркало, Уилл следил за тем, как она медленно стирает помаду с губ. Мадам Золикофф делала это неторопливо, и у него было достаточно времени, чтобы как следует изучить ее рот. Уилл подозревал, что вся эта сцена тоже была своего рода представлением, цель которого — вывести его из равновесия.

— А есть у вас еще какое-нибудь имя, помимо сценического?

— Нет.

— Мне кажется нелепым обращаться к вам «мадам Золикофф».

— Ну, это ваши проблемы, не мои. — Вытерев наконец губы, женщина уронила салфетку на стол и взглянула в зеркало

на его отражение. — Мы с вами не друзья, мистер Слоан. Так что давайте не будем притворяться. Я знаю, зачем вы здесь.

— Да неужели? — Он не ожидал от нее такой прямоты. Уилл думал, что она испугается, представив себе неприятности, которые может доставить ей мужчина с его положением. Однако мадам Золикофф не выглядела встревоженной. — Ну и зачем же я пришел?

— Вы хотите запугать меня и потребовать, чтобы я оставила Джона в покое. Хотите вырвать его из моих дьявольских когтей. — Произнося последнюю фразу, женщина для большей выразительности угрожающе скрючила пальцы. — Что, не так?

— Хорошо. Откровенность позволит сэкономить время нам обоим. Теперь вам остается только пообещать никогда больше не видеться с Беннеттом, перестать с помощью жульничества выуживать из него деньги и навсегда исчезнуть из его жизни.

— С помощью жульничества выуживать из него деньги? — Губы женщины обиженно скривились, и внимание Уилла вновь было приковано к ее чувственному рту, черт бы его побрал. — Так вот, босс, у меня для вас новость: я честно заработала каждый доллар, оказывая услуги вашему другу, — причем вовсе не те услуги, о которых вы подумали. У нас с Джоном чисто деловые отношения.

Уилл ухмыльнулся. Он никогда не встречал неженатых мужчин и одиноких женщин, которые проводили бы вместе много времени и при этом поддерживали «чисто деловые отношения».

— Кем бы вы ни были — не важно. Меня не волнует, что за байки вы скармливаете своей публике, но сам я не принадлежу к числу деревенских жителей, вырвавшихся в большой город со своей фермы. Я понимаю, чем вы занимаетесь, и это весьма дурно пахнет.

— О, да что вы говорите? И чем же я занимаюсь?

— Вы шантажируете своих клиентов. А если они отказываются платить, передаете газетчикам интимные подробности, которые вам удалось узнать, и выставляете людей на посмешище. Но я не позволю вам проделать это с Беннеттом.

Женщина встала, и, поскольку из-за тесноты она стояла к нему очень близко, Уилл смог рассмотреть даже светло-